

ЯШАР КЕМАЛЬ

Турция

ЗЕМЛЯ НЕ КОРМИТ

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

ПРИДЯ в свой шатер, староста кликнул соседского парнишку и велел ему позвать Отпускника. Поодаль стояла гурьба крестьян, следивших, как он управляется с односельчанами. С любопытством ждали они, что будет дальше. Шелудивый, Заладжа, Чалый Исмаил и теперь вот Отпускник... Ждал и Ташбаш. «Этот дьявол каждого по-разному обрабатывает, — думал он. — Но нет такого, кто не послушал бы его!»

Отпускник не заставил себя ждать.

— Что тебе нужно от меня, староста? — резко спросил он.

На лице Сефера не осталось и следа недавней злости. Он приветливо улыбался.

— Садись, посиди пока!

Отпускник стоял в нерешительности.

— Садись, дорогой! Не съем же я тебя. Вот мы спустимся на Чукурову, может быть, я чем-нибудь смогу тебе помочь. Нужно как-то избавиться от этой беды — сколько лет служишь в армии и никак не отбудешь срок!

Отпускник сел. Он тяжело дышал, как чахоточный. Лицо его было белое-белое — кожа да кости.

— Почему же до сих пор не хотел помочь? — спросил он так же резко.

— Не было силы тогда. Только сейчас наши стали сильными. Разве ты сам этого не знаешь, сынок? Вот спустимся на Чукурову, я пойду к нашим властям и попрошу за тебя. Скажу, чтобы забрали

тебя в больницу или освободили по чистой. Справедливо ли это: столько раз увольняют тебя в отпуск по болезни, а потом опять заставляют служить! В селе уж тебя прозвали Отпускником. Сколько месяцев тебе осталось?

— Пять.

— Много еще...

— Явлюсь в часть, два дня поваляюсь в больнице, опять скажут — возвращайся в село.

— Да-а, — сочувственно протянул староста. — На этот раз нужно добиться... Завтра мы спускаемся. Приходи ко мне. Я повезу тебя в Адану и покажу нашему начальству. Для этого я и позвал тебя сейчас. Так не забудь: как получим хлопковое поле, на следующий день я повезу тебя в Адану. Договорились?..

— Хорошо! — опять строго отвечал Отпускник.

Надвигался вечер. Староста решил вести свою линию так же твердо. Ничего, если сегодня не придется поспать. Пусть Ташбаш учится, как надо делать дела.

Предстоял трудный разговор с Безрубашечником. Этот старый разбойник упрям. Если он сказал «да», то, хоть руби голову, ни за что не откажется. И ничего не боится. Он приходился Сеферу дальним родственником... Пропавши пропадом такие родственники! Лучше не связываться с ним, но уж раз довелось, то к нему нужно найти ключ. За его спиной человек тридцать батраков. Если он пойдет с Ташбашем, то, считай, треть села отколет. Этого допустить нельзя. Оскандалиться перед всем светом... Нужно подождать ночи, когда все разойдется.

Окончание. См. «Азия и Африка сегодня» № 8 и 9 за 1964 год.

Стемнело. Огни в очагах затухали. Лишь доносился откуда-то плач ребенка и усталый, сонный голос матери, которая пела ему колыбельную песню.

Сеферу очень тяжело было идти объясняться с Безрубашечником. Вдруг начнет орать, кричать, все село разбудит... Эх ма!.. Но идти надо, другого выхода нет.

— Ох, будь ты неладен! — проговорил староста и пошел к ведру с водой: ему пришло в голову совершить омовение и помолиться аллаху. Покончив с этим, Сефер поплелся к Безрубашечнику. Тот спал, устроившись в кустах. Староста присел рядом. Только дотронулся, как Безрубашечник вскочил на ноги и стал шарить вокруг. Он искал оружие — привычка, которая осталась у него с тех времен, когда он был разбойником. Староста понял это.

— Брат, это я, староста Сефер, — сказал он тихо. — Мне нужно поговорить с тобой. Без ругани, без крика. Прости, что я нарушил твой сладкий сон. Я пришел к тебе за помощью. Выслушай, важное дело. Приди в себя, ради аллаха!

— Сефер? — спросил Безрубашечник строго.

— Да, брат, я.

— Какие-такие у тебя дела в полночь?

Староста взял его за руку.

— Мне нужна твоя помощь, не прогоняй меня и не кричи. Ты знатного рода, нет счета убитым вами людям, отрубленным головам. Никто не помнит, чтобы люди из вашего рода умирали в постели. Я тоже это знаю и с уважением склоняю голову. Вы, как хищные волки, налетаете на стадо овец, душите и уволаскиваете слабых. И я горжусь, что тоже имею с вами родственные связи. Великий обычай есть у вашего рода — вы не прогоняете тех, кто приходит к вам за помощью. Тот, кто попал в дом Безрубашечников, не получит отказа. Вот и я пришел к тебе сегодня в полночь, я, староста села, глава демократов, сын старосты Хыдыра, потомственный староста. Я прошу у тебя помощи.

Сефер сложил руки на груди и крепко сжал их.

— Не опозорь меня перед всем селом. Не оставь в трудном деле. Ты моя опора, я надеюсь на тебя, как на крепость. Я пришел заручиться твоей поддержкой. Все крестьяне стали на сторону Ташбаша. Я, как птенец, ищу защиты под твоим крылом. Отвечай же мне!

Безрубашечник стоял и молчал, ничего не понимая.

— Отныне всякая твоя просьба будет для меня законом, — продолжал староста. — Для тебя всегда будет открыто мое сердце! Что же ты молчишь? Неужели ты не поможешь тому, кого все покинули? Безрубашечники всегда помогали одиноким, покинутым своими близкими, униженным. Разве ты изменил этому правилу?

— Ты верно говоришь, люди из нашего рода всегда помогали обиженным, — хриплым голосом отвечал Безрубашечник. — Ты знал, к кому идти с такими словами, знал, что не уйдешь от меня ни с чем. Иди и спи спокойно. Если бы Ташбаш пришел раньше тебя и попросил моей помощи, я был бы на его стороне, потому что считаю его правым. Но пришел ты. Вот тебе моя рука. Еще никто не уходил от Безрубашечников с отказом и обманутыми надеждами. Но ты неправ. Ты обворовываешь крестьян, посылаешь их на бесплодные поля. Не поступай так со своими односельчанами.

— Не буду, не буду! Даю тебе зарок. Спасибо! Пусть всегда пылает огонь в твоём очаге, — проговорил староста и встал.

Вернувшись к себе, он растянулся на мягкой подстилке и облегченно вздохнул, словно тяжелый груз свалился с его плеч. Оставалось еще повидаться с Эккешем Горным Волком. Но это мягкий, набожный человек. Он единственный на селе не пропускал ни одного намаза. Самой сокровенной мечтой Эккеша было отправиться в паломничество к святым местам. Поэтому он, старик, собирал больше всех хлопка и не тратил ни куруша. Не покупал одежды ни жене, ни детям. Вся его семья одевалась в домотканое. Но денег все равно он никак не смог скопить...

— Эккеш Горный Волк, выслушай меня! Ты святой человек, настоящий правоверный мусульманин. За всю свою долгую жизнь ты никого не обидел. Ты чист, как младенец. Когда на том свете ты предстанешь перед престолом всевышнего, ему нечего будет с тебя спросить. Для тебя уготован сверкающий дворец, большой, светлый — совсем такой, как вокзал в Адане. Располагайся в нем и наслаждайся, скажет тебе всевышний. И бабу тебе твою даст, чтобы повеселей было. И даст еще сорок гурий, красавиц несравненных, невинных девушек. И сорок слуг будет в твоём повиновении. Райские реки потекут вином для тебя, сады и виноградники раскинутся вокруг, насколько глаз может окинуть. С утра до вечера перед тобой будет раскинут стол со всевозможными яствами — и гуси там будут, и жирные утки, и зажаренные до цвета гранатов перепела, и наедаться ты сможешь до отвала. Сам пророк Идрис будет кроить твою одежду без ножиц и без швов будет шить ее, сплошной текущий шелк. И цветов самых ослепительных, как на лугах. Стоит тебе только пожелать, как одежды сами будут сменяться на тебе. А постель тебе будет приготовлена из самого нежного пуха, который птицы сами осыплют у твоих дверей. Ничего, если сейчас тебе приходится спать на жестком, — воздастся тебе за это на том свете. Не знают этого наши крестьяне, чьи уши глухи, а глаза слепы. Всего-то мы боимся, всего опасаемся, а чего боимся?.. В твоём райском дворце будет царить прохлада и покой.

Терпеть лишения, холод и зной на этом свете — благое дело, и ты это знаешь. Но многие не знают. Все глупые люди работают, чтобы жить на этом свете, а ты трудишься ради своего райского дворца...

Имение полковника в самом деле неплодородное. По сравнению с другими урожаями здесь наполовину меньше. Конечно, это во вред крестьянам, Ташбашу, мне. В думах наших крестьян только земная жизнь. Ищем мы больших заработков, легких, богатых полей. А ты единственный, ты ищешь трудной работы, справедливого заработка. Для тебя собирать хлопок на богатом поле, где легко достаются деньги, — это значит разрушить одну стену своего райского дворца. Чем труднее тебе будет заработать деньги для того, чтобы отправиться в паломничество, тем больше отметит тебя аллах среди других. Так пусть легкий заработок не соблазняет тебя. Если ты забудешь эти мои слова и тойдешь за Ташбашем, то рухнет твой дворец в раю, смешается с грязью. И реки обмелеют, превратятся в болота. Я все делаю, чтобы уберечь тебя от соблазна. Нельзя идти против аллаха, он один... Никто не смеет ослушаться его приказа. А кто его посланцы на земле? Наше правительство, демократы. А кто уполномоченный нашего правительства в городе? Каймакам и наш Тевфик-эфенди. А кто уполномоченный каймакама и Тевфика-эфенди на селе? Староста. А кто у нас староста? Я. Подумай теперь, что значит идти против меня. Подумай — не то одним махом разрушишь свой райский дворец, который страданиями и лишениями возводил всю жизнь. Да поможет тебе аллах!

Сефер был доволен собой. Хорошо он сказал Эккешу Горному Волку. Эккеш слова не вымолвил, все бормотал молитвы. Иногда ронял: «Аллах, аллах! Спаси и помилуй!» — вот и все.

Староста был уже у Дурдумана.

— Послушай, Дурдуман, ну что ты за человек! Вынуждаешь меня в полночь приходить к тебе. После того как все поля заняты, вы поднимаете голову и начинаете смуту заводить. На будущий год идите сами и сами находите для себя поле, какое вам понравится. Взяли бы да и повели за собой крестьян! Только что им скажете, когда поля не найдете? Вот уже три года, как ты не можешь вернуть долг Адилю-эфенди, не можешь купить осла своему престарелому отцу. А что будет, когда вы придете на Чукурову и останетесь с носом? Не ждите, что я пущу вас на свои поля! Что ты, Дурдуман, отведишь Адилю-эфенди? Скажешь, что у крестьян есть рты, но нет голов? А что с крестьянами будет? Не делайте глупостей, не губите своих односельчан. Ничего хорошего из этого не выйдет. На следующий год — уж тогда идите, куда хотите. А в этом году ничего хорошего не выйдет... Так и знайте. За подстрекательство к бунту следует большое

наказание. Ну, будь здоров! Да поможет тебе аллах!

Османджа уже проснулся и поджидал старосту, когда Сефер явился к нему.

— Добро пожаловать, ага! Радостную ли весть принес ты в наш дом? Я жду тебя с вечера, терпение уже потерял... Только сейчас дошла до меня очередь? А ругаешь ты меня всегда первым...

— Уж не взыщи, Османджа! Я тебя за своего почитаю. Ты ведь родной внук моей тетки по матери, делегат демократов, то есть лучший из лучших... Я полагаю, тебя недолго надо уговаривать, чтобы вернуть на путь истинный!

Староста отодвинул угол тюфяка, намереваясь сесть рядом.

— Я все слышал, что ты говорил, — начал Османджа, — и одного понять не могу: зачем ты дела партии смешиваешь с делами нашего села? Партийное дело — одно, а дела нашего села — совсем другое. Нельзя так... Боюсь теперь, что из-за тебя во время следующих выборов все отдадут голоса за Исмета-пашу и власть выскользнет из наших рук. И еще хотел бы тебе сказать — не связывайся ты с этим Сумасбродом Бекиром.

Староста поднялся со своего места и снова сел.

— Я-то вот могу дать слово, что больше не буду иметь никаких дел с Бекиром, даже говорить с ним не стану, а можешь ли ты обещать, что не пойдешь с Ташбашем? Мое слово крепче стали. В этом году делегатом опять будешь ты. Это второе мое слово. Ну как, по рукам?

— Надо подумать!..

— Без твоего крепкого слова как могу я стараться, чтобы ты опять стал делегатом? Что значит быть товарищами по партии? Быть товарищами по партии — значит во всех делах быть вместе, куда ступает нога одного — туда и другой идет. Вот что такое партия!

Османджа подобрал под себя ноги.

— Твое слово крепко, что ты отказываешься от Бекира? Потом уж никаких отступлений!

— Мое слово крепко, товарищ! — сказал староста и поднялся с подстилки. — Скорее свалится моя голова с плеч, чем изменю я своему слову.

Старосте страшно хотелось спать. Он так много говорил сегодня, что у него разболелось горло. Но теплая мягкая постель сегодня не для него. Уже почти все крестьяне проснулись и теперь слушали и обсуждали каждое его слово, каждое его движение. «Слава аллаху, что мой разговор с Безрубашечником никто не слышал!» — думал он про себя.

А сейчас, поскольку все на ногах, надо показать, что значит иметь дело со старостой. И Сефер отправился к Непорочному Али.

— Вставай, сукин сын! — прокричал он над его постелью. — На всех площадях ты промче всех ругаешь меня. Поднимайся и получай свое. Дай мне

веревку, чтобы я связал тебе руки, не причинив боли твоей душе. Вставай!

Непорочный Али что-то бубнил себе под нос.

— Сейчас же отправлю тебя в полицию. Ты, кажется, считаешь наше село своей вотчиной? Да кто ты такой, подлец? Ты, конечно, собираешься идти с Ташбашем, Али-эфенди-паша? Твой отец перед смертью поручил тебя мне. Староста — это все равно что отец для своих крестьян. Я могу все, что захочу, сделать с тобой! — И он влепил Непорочному Али звонкую пощечину.

— Даю слово, зарекаюсь, дядя, — вцепившись в руку Сефера, заговорил Али. — Я не был с ним связан, я совсем с ним не связывался.

Староста пошел дальше. Каждому в отдельности все растолковал, язык еле ворочается. Как он был счастлив, когда наконец мог сказать, что больше не осталось семьи, где бы он не побывал. Он знал, что его усилия не пропадут даром, что под лучами солнца зазеленеют всходы, возвращенные его ночными трудами.

К Лысому Ашугу он попал только под утро. И это тоже входило в его расчеты. Остался еще один человек, с которым он не говорил — Ташбаш. Он и к нему собирался зайти. Он на все готов, хоть с самим чертом породниться, не только с Ташбашем.

Лысый Ашуг сидел, прислонившись спиной к дереву. Староста устроился рядом.

— Радость дома моего, Ашуг мой, когда ты играешь на своем сазе, со всех концов слетаются соловьи послушать тебя. Твои песни льются, как мед. Ты заставляешь заговорить волков и хищных птиц, плавишь камни и горы. В это прекрасное утро радостно послушать твой голос на рассвете. Я очень устал. Уже рассвет, а я еще не прилег. Спой мне песню, улади усталое сердце. Со всех сторон окружают меня враги, один я, как в пустыне Йемена. Твоя песня даст мне новые силы...

Лицо Лысого Ашуга, маленькое, все в морщинах, с жиденькой бородкой, засветилось. Он был очень стар. Сколько ему лет, никто в селе не знал. Всегда он был таким, как сейчас, с реденькой бородкой в три волоска.

— Спасибо вам, наступающий день, летящие птицы... — бормотал он, вытаскивая из чехла саз. Ласково погладил его дрожащими руками и стал перебирать струны. Он переходил от одной мелодии к другой, поднимая и опуская в такт голову. Звуки саза пробудили всех, кто еще спал. Легкий ветерок слегка раскачивал верхушки деревьев.

Сначала сбежались дети. Потом пришли женщины, кольцом стали вокруг Лысого Ашуга и старосты. Молодые парни расположились на земле, поближе к Ашугу, тесно прижавшись друг к другу. Подошли и тут же опустились на землю мужчины и старики. Вдруг заревел осел, и все дружно засмея-

лись. Потом голоса смолкли, ни малейший шорох не нарушал тишину. Все, затаив дыхание, слушали саз Лысого Ашуга.

Род Лысого Ашуга восходил к Ашугу Юнусу. И его дед, и дядя, и братья — все мужчины были ашугами, и всех их называли Лысыми. Люди всей округи хранили в своих сердцах с младенческих лет песни Лысых Ашугов и вспоминали их как самое радостное и сокровенное.

Вот он кончил песню, погладил пальцами волосики редкой бородки. Лицо его по-прежнему светилось радостью.

— Спасибо всем, кто пришел в благостный рассветный час послушать песню. Спасибо пробуждающейся земле, шелестящей траве и светлому потоку воды, мошкам и букашкам.

Все заулыбались и разом заговорили:

— Спасибо Ашугу, спасибо всему роду Лысых Ашугов!.. Спасибо этому сазу, его поющим струнам.

— Спасибо нашим детям, нашим малюткам в колыбелях, спасибо белому хлопку Чукурову!

— Спасибо, — отвечали крестьяне улыбаясь.

— Спасибо моему деду Караджоглу, моему деду Юнусу, моему дяде Дадалоглу...

— Спасибо, — вторили голоса крестьян.

Это «спасибо» означало, что Ашуга просят спеть новую песню. Казалось, будто начинался праздник.

Ашуг запел. Голос его звучал нежно и тихо, затем стал набирать силу. Парочка птичек села на куст. Головки у них зеленые, а лапки красные. Аах, лучи света!.. Темная ночь... На моих плечах три несчастья, не отделишь их друг от друга. Мое горе перевернет и горы... А Чукурова празднично наряжается. Аах, разукрашенные горы!.. Лиловые фиалки и майоран покрывают их, как облако. Я развел в степи огонь, он дымится... Между нами горы, горы-красавицы...

Потом грустные звуки сменились бурным весельем, вот-вот развернется земля... И вдруг все прекратилось, будто саблей обрубили мелодию. Лысый Ашуг всегда так заканчивал песню. Ведет, ведет, а когда доведет до высшей точки, внезапно оборвет и саз его смолкает.

А день уже вошел в свои права.

Толпа некоторое время еще сидела неподвижно. Бессильные руки Ашуга свесились, саз опрокинулся. Он отдыхал после песни.

Наконец старик поднялся на ноги. За ним стала подниматься и толпа. На лицах играла гордая улыбка, на губах — песни вполголоса...

Староста положил руку на плечо Ашуга.

— Спасибо тебе за твои прекрасные песни, Ашуг! Спасибо твоему сазу, спасибо за твою доброту!

В это время прогремел голос Ташбаша:

— Кто решил идти со мной, собирайтесь. Я уйду. Оставшимся желаю всего наилучшего! — Он несколько раз повторил свой призыв.

К старосте подошел крестьянин.

— Там внизу видели Сумасброда Бекира и Бакчи, они идут сюда, — сказал он.

Вскоре оба предстали перед старостой. Они тяжело дышали и выглядели очень усталыми.

— Как дела там, внизу? — спросил Сефер. — Не осталось свободных полей?

— Ни одного дёнума! Каждый клочок занят. Только поля полковника ждут нас. Пойди потехи ради, найди что-нибудь!..

— Ташбаш и его приспешники уходят. Ишь, голову подняли!

— Пусть себе уходят! Нынче в имении полковника такой хлопок богатый, как нигде! Все коробочки раскрылись!

— Бекчи, — приказал староста, — позови глашатая. Пусть прокричит, что мы трогаемся в путь. И еще пусть скажет, что на полях полковника поспел хороший урожай. На других полях он сгорел, коробочки не раскрылись. Пусть готовятся к спуску. Овцу же, отбившуюся от стада, волк схватит. Так и скажи!

Ташбаш, Сирота Дуран, Вели и еще несколько крестьян вышли на лужайку и начали спускаться по тропинке вниз. Сефер никак не мог оторвать от них взгляда. Они осмелились нарушить давнюю традицию. Никто никогда не нарушал единства села. Крестьян винить нечего, староста виноват, что допустил такое самовольство. Размышляя так, Сефер вдруг увидел, что Безрубашечник собирает свои вещи. И вдруг его осенило.

— Ага-бей, сын Безрубашечника! Ты самый благородный человек в нашем селе. Ты не черный крестьянин, как мы. Перед всем селом я говорю это. Твоя совесть не может допустить, чтобы люди из нашего села откололись от всех и обрекли себя на мытарства на Чукурове. Пойдем с тобой вместе и вернем их. За вожака у них Мехмет Ташбаш, сын Ансаджи и Юсуфа. Пойдем, друг!

Он взял Безрубашечника за руку и потащил вперед. Когда они приблизились к крестьянам, Безрубашечник сделал им знак рукой и закричал:

— Эй, обождите! Мне нужно вам что-то сказать, дайте только дух перевести!

Крестьяне остановились.

— Ташбашоглу, Ташбашоглу! — прокричал староста. — Ты правильно сделал, что остановился. И у меня есть к тебе дело...

Ташбаш не двигался. Тогда староста подошел к нему, взял за плечи и повернул к себе лицом. Ташбаш поднял на него горящие глаза. Сефер даже смутился немного. Он обратился к Безрубашечнику:

— Скажи ему, ты скажи ему! Я протягиваю руку дружбы. Пусть идет куда хочет. Но он не смеет обречь на несчастье своих детей! Как старший, как товарищ, как староста села, я не могу разрешить ему это. На Чукурове нет свободных полей. Мехмет Ташбаш, сын Ансаджи и Юсуфа, ты не имеешь права так поступать! Ты хочешь стать прихлебателем в чужом селе? Хочешь бросить под ноги честь нашего села? Хочешь наши споры разнести по всему свету? Из-за наших раздоров уже погиб старый человек, сгинул в горах! Скажи ему, сын Безрубашечника, что он потерял рассудок. На следующий год я сам пойду за ним. Вот мое слово и рука! Захочет — пусть ведет нас к Средиземному морю, пусть говорит, что это не море, а хлопковые поля. Я ни слова не скажу, пойду за ним! Но в этом году он не смеет нарушать единство села.

Безрубашечник подошел к Ташбашу и взял его за руку.

— Брат Мехмет! Не уходи один в этом году, не нарушай порядка! Нехорошо это! Я нарушил, и ты видишь, что со мной случилось! Ни жены не осталось, ни детей, ни очага родного! Крестьяне первые начнут упрекать тебя. На следующий год я вместе с тобой пойду. Ты знаешь, мое слово крепкое!

Лицо Ташбаша побледнело, как известка. Глаза помутнились. Он спрятал в карман свои желтые четки. Его взгляд встретился со взглядом Сироты, и они оба опустили головы.

Староста почуял, что теперь Ташбаш уже не сделает ни шагу. Он подошел к нему и тоном, не допускающим возражений, сказал:

— Вы оставайтесь здесь и ждите крестьян. Они уже собрались. Или потихоньку спускайтесь вниз... Нужно забыть то, что было, брат Мехмет. В нашем селе ты самый смелый, на твое слово можно положиться. Несмотря ни на что, ты мне дороже брата родного. Если бы мать родила мне такого брата! Ничего бы мне не страшно было на свете!

— И я люблю Ташбашоглу, — подхватил Безрубашечник, — он смелый, толковый и умный парень! Отцы наши говорили: пусть вместо сумасшедшего друга будет умный враг. Это лучше...

Село собиралось в дорогу. Большинство было уже готово. На ослы и лошадей погрузили вещи, увязывали последние пожитки.

Староста сел на своего вычищенного до блеска черного осла и поскакал вперед. Быстро проехал мимо Ташбаша, все еще стоявшего на месте с низко опущенной головой.

Земля Чукуровы была совсем рядом. Горькая пыль туманом окутывала ее.

Перевел с турецкого
Г. АЛЕКСАНДРОВ и К. ГЛАЗУНОВА